

О структуре уголовно-процессуального доказывания

Сергей Борисович Россинский*

Проблемы доказывания, составляющего «сердцевину», «душу» уголовного судопроизводства, пронизывающего деятельность всех его участников и осуществляющегося на всем его протяжении¹, традиционно вызвали и продолжают вызывать особый интерес у ученых-процессуалистов, являясь предметом наиболее бурных дискуссий. Ведь наряду с правовой сущностью доказывание имеет весьма глубокие философские корни. Поэтому его формализация, урегулирование на законодательном уровне – это достаточно сложная задача, решению которой всегда будет сопутствовать целый ряд внутренних противоречий. Существующие здесь проблемы исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает². На сегодняшний день практически ни один аспект теории уголовно-процессуального доказывания, доказательственного права и соответствующей правоприменительной практики так и не получил своего окончательного разрешения.

В частности, в настоящее время представляется весьма актуальным вопрос о структуре уголовно-процессуального доказывания. Современный законодатель (ст. 85 УПК РФ) предусматривает трехзвенную структуру доказывания, включающую собирание, проверку и оценку доказательств. Ранее аналогичная нормативная конструкция вытекала из содержания ст.ст. 70–71 УПК РСФСР. Эта

же позиция выражается и большинстве современных научных работ по теории доказывания и доказательственному праву³. Вместе с тем отдельные авторы высказывают по данному поводу некоторые критические замечания, пытаясь представить структуру доказывания в несколько ином виде. В частности, еще Ф.Н. Фаткуллин в свое время предлагал дополнить процесс доказывания по уголовному делу выдвижением и развитием версий⁴. Многие авторитетные ученые выделяют в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания закрепление доказательств⁵. Есть мнение о дополнении структуры доказывания еще одним элементом – обоснованием выводов⁶.

Интересную позицию в данном вопросе занимает В.А. Лазарева, считающая все элементы процесса доказывания весьма условными процессуальными категориями, а дополнение традиционной трехзвенной структуры какими-то новыми

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ См.: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. С. 41; *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 122; *Шейфер С.А.* Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. С. 12.

² См.: *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 13–14.

³ См., например: *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. С. 130; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 110; *Зажицкий В.И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. С. 260; *Якимович Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Томский госуниверситет, 2015. С. 54 и многие другие работы.

⁴ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. С. 8.

⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 298; *Балакишин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004. С. 66–67 и т.д.

⁶ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 8; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. С. 208; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. С. 217 и т.д.

элементами – делом вкуса того или иного ученого⁷. Подобная точка зрения в определенной степени представляется весьма разумной ввиду того, что каждый автор, пытающийся внести свой посильный вклад в изучение и развитие структуры доказывания по уголовному делу, исходит из собственного понимания сущности этого сложного правоприменительного процесса, по поводу которой до сих пор не существует единой позиции ни на доктринальном, ни на нормативном уровне.

Кстати, именно этим объясняется и закреплённая в ст. 85 УПК РФ трехзвенная структура процесса доказывания: сбор–проверка–оценка. Ведь, как известно, действующий Кодекс впитал в себя положения разработанной во второй половине XX в. информационной теории доказательств, понимающей под доказательствами сведения (информацию) и поэтому как бы увязывающей доказывание исключительно с познавательной деятельностью (С.А. Голунский, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев и многие другие ученые). Как справедливо отмечал Ю.К. Орлов, основным недостатком информационной теории доказательств является полное игнорирование логической основы, отрицание роли доказательственных фактов и сведение всего доказывания исключительно к информационному процессу⁸. Поэтому применительно к такому подходу формула «сбор–проверка–оценка» вполне обоснованна.

Однако в настоящее время в уголовно-процессуальной доктрине существуют и принципиально иные подходы к сущности уголовно-процессуального доказывания. В частности, ученые, преклоняющиеся перед прагматичной англосаксонской процессуальной доктриной (С.А. Пашин, В.В. Золотых и др.), основное внимание сосредотачивают не на гносеологической, а на формальной (процедурной) составляющей доказывания, делая упор на правила их собирания (формирования). Наиболее радикальные и даже где-то воинственные позиции по этому вопросу выражают представители так называемой Нижегородской уголовно-процессуальной школы. В таком контексте важнейшим элементом доказывания становится их закрепление в материалах уголовного дела (процессуальное оформление).

⁷ См.: Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 52–67.

⁸ См.: Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 62.

Еще одна существующая в настоящее время концепция вообще разводит познание и доказывание как гетерогенные категории. Она получила наибольшее развитие в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам, сопровождающимся отказом от целого ряда постулатов советской процессуальной науки. Ее представители указывают, что доказыванием следует считать только процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов сторонами, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения, т.е. сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений⁹. Применительно к такому пониманию доказывания логическое обоснование выводов является если не единственным, то, по крайней мере, важнейшим и необходимым элементом его структуры.

В своих работах мы придерживаемся более компромиссных подходов к сущности доказывания, предполагающих определенное и разумное сочетание познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон¹⁰. На наш взгляд, уголовно-процессуальное доказывание не следует как полностью отождествлять, так и гетерогенно разводить с познавательной деятельностью, поскольку в первом случае оно лишается своей логической основы, а во втором – гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы соответствующих субъектов. Кстати, подобные или близкие по смыслу позиции ранее уже высказывались в работах М.С. Строговича¹¹, А.Р. Ратинова¹², Э.С. Зеликсона¹³, Р.Г. Домбровско-

⁹ См.: Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. С. 14–15; Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 220–221.

¹⁰ См.: Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 50–51.

¹¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 299.

¹² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 288–289.

¹³ См.: Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата: Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова, 1973. С. 12.

го¹⁴ и некоторых других специалистов. Среди современных ученых такие взгляды разделяют С.А. Шейфер (он пишет о доказывании в широком и узком смыслах)¹⁵, А.А. Леви¹⁶, Ю.К. Орлов¹⁷, Л.М. Володина¹⁸.

Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как сложный, многоаспектный процесс, состоящий в познании обстоятельств уголовного дела, в их удостоверении (процессуальном оформлении) и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений (познавательный, удостоверительный и логический аспекты доказывания). Под таким углом зрения и структура процесса доказывания также должна включать в себя различные элементы, присущие как информационному, так и другим подходам к теории доказательств и доказательственному праву: собирание, закрепление, проверку, оценку, логическое обоснование и т.д. Остановимся на каждом из них более подробно.

Так, *собирание доказательств* – это начальный элемент доказывания, свойственный для познавательной и удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда, который заключается в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ полномочиями по собиранию доказательств наделены субъекты уголовной юрисдикции (дознаватель, следователь, прокурор и суд) посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Правом собирания доказательств наделены и другие участники, преследующие в уголовном деле личный или представляемый (защищаемый) интерес. Согласно ч.ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ такое право может быть реализовано посредством различных форм как процессуального (представление), так и непроцессуального правомерного поведения¹⁹.

¹⁴ См.: Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев: Киевский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, 1990. С. 21.

¹⁵ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 17.

¹⁶ См.: Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012. С. 259–260.

¹⁷ См.: Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁸ См.: Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. С. 219.

¹⁹ Вопрос об отнесении подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и других заинтересованных

Собирание доказательств – это достаточно устоявшаяся доктринальная категория, которая ввиду прямого законодательного закрепления в качестве одного из элементов процесса доказывания активно поддерживается большинством ученых, посвятивших свои работы проблемам доказательственного права²⁰. Хотя наряду с этим в науке существует и другая, не менее авторитетная позиция, отождествляющая первый этап доказывания не с собиранием, а с *формированием доказательств*²¹. В этой связи В.А. Семенов даже предлагает внесение ряда коррективов в ст. 86 УПК РФ с изменением ее названия на «формирование доказательств»²². В основе данного подхода лежит высказанный С.А. Шейфером в 1972 г. научный тезис о том, что готовых доказательств, т.е. показаний, заключений, протоколов и т.д., в природе не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеет место лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями²³. Хотя при этом С.А. Шейфер и не может претендовать на введение термина «формирование доказательств» в обо-

лиц к полноценным субъектам уголовно-процессуального доказывания является весьма дискуссионным и заслуживает самостоятельного исследования. Вместе с тем он не имеет прямого отношения к предмету настоящей статьи, поэтому мы позволим себе не углубляться в эти проблемы, сохранив за собой право их рассмотрения в последующем.

²⁰ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 221–222; Улянова Л.Т. Указ. соч. С. 133–135; Зажицкий В.И. Указ. соч. С. 260; Якимович Ю.К. Указ. соч. С. 55–61 и т.д.

²¹ См.: Михеев М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. С. 10; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009. С. 11; Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 32; Зайцев О.А. Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского госуниверситета. 2014. № 11/1 (122). С. 31 и т.д.

²² Семенов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 239.

²³ См.: Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. С. 7, 15, 16.

рот уголовно-процессуальной науки; некоторыми учеными он использовался и ранее²⁴.

Развивая свою позицию в последующих работах, С.А. Шейфер говорит о нецелесообразности упрощения категории «формирование доказательств» и увязывании ее исключительно с фиксацией полученной информации. Ученый полагает, что формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение информации из следов), так и удостоверительные элементы (объективизация воспринятых сведений с помощью средств фиксации)²⁵.

Мы также неоднократно высказывались в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания²⁶. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых нами позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к категории «формирование доказательств» как к единственной процессуальной технологии, обеспечивающей появление доказательств в уголовном деле.

Дело в том, что позиция С.А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств (т.е. об их формировании) посредством производства следственных и иных процессуальных действий вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов «невербальных» следственных и судебных

действий²⁷, т.е. доказательств, обусловленных активным поведением органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование ученый, собственно говоря, и приводит примеры формирования показаний, экспертных заключений и протоколов следственных действий²⁸. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, «иные» документы²⁹, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются. На данную особенность (применительно к «иным» документам) обращалось внимание еще в фундаментальной работе «Теория доказательств в советском уголовном процессе»³⁰. В этой связи мы не можем согласиться с учеными, обосновывающими наличие специальных юрисдикционных процедур, направленных на формирование подобных доказательств и состоящих в их обнаружении, осмотре и приобщении к делу³¹. Уважаемые авторы, видимо, просто не проводят методологического разграничения между вещественными доказательствами, «иными» документами и результатами следственных и судебных действий, направленных

²⁴ См., например: Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. С. 78; Курьяев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969. С. 163; Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9. С. 113.

²⁵ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 33–34.

²⁶ См.: Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 86; Он же. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 84–85; Он же. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу. С. 126–127.

²⁷ Результаты «невербальных» следственных и судебных действий мы в своих работах называем доказательствами, предусмотренные ст. 83 УПК РФ и традиционно именуемые протоколами следственных действий и судебного заседания. При этом с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе мы его используем с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берем в кавычки. Подробнее об этом см.: Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу. С. 85–91; Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. С. 98; Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу. С. 142–144.

²⁸ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 33.

²⁹ Здесь и далее термин «иные» применительно к обозначению документов как конкретного вида уголовно-процессуальных доказательств, предусмотренных ст. 84 УПК РФ, нами преднамеренно берется в кавычки. Тем самым мы подчеркиваем, что он является названием самостоятельного вида доказательств, т.е. обозначает конкретно определенную уголовно-процессуальную категорию, а не используется в значениях «другие», «остальные» и т.д.

³⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 681.

³¹ См.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Указ. соч. С. 183; Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 154–155; Ульянова Л.Т. Указ. соч. С. 119–120 и т.д.

ных на их обнаружение, осмотр, исследование³². Тем не менее критерии для такого разграничения вполне очевидны и заключаются в их гносеологической сущности. Вещественные доказательства, «иные» документы, заключения специалиста – это всего лишь предметы или документы как фрагменты объективной реальности. Они существуют сами по себе независимо от факта их обнаружения, восприятия, осмотра и т.д. По крайней мере, предусмотренные ч. 3 ст. 80, ст.ст. 81 и 84 УПК РФ процессуальные гипотезы никоим образом не увязывают эти доказательства с какими-то специфическими местами их нахождения и т.д. Тогда как факты их обнаружения, осмотра и т.д. предполагают наличие пусть даже находящегося в тесной логической связи, но, тем не менее, другого доказательства – предусмотренного ст. 83 УПК РФ результата «невербального» следственно-го или судебного действия.

Рассматриваемые в процессуальной литературе процедуры по формированию вещественных доказательств, «иных» документов и т.д. представляются мнимыми, надуманными. Они являются не более чем «теоретическими фантомами» и этим мало чем отличаются от таких же мнимых механизмов формирования доказательств на основании результатов оперативно-розыскной или административной деятельности, о которых мы уже писали в других публикациях³³. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия

³² Представляется, что сформулированная нами концепция «невербального» способа процессуального познания и вытекающие из нее методологические основы результатов «невербальных» следственных и судебных действий как раз и способствуют нахождению четких критериев их разграничения с вещественными доказательствами и «иными» документами. Более подробно об этом см.: Россинский С.Б. Вопросы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с вещественными доказательствами // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1454–1460; Он же. О практике разграничения «иных» документов с результатами (протоколами) «невербальных» следственных и судебных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 102–107; Он же. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу. С. 164–218.

³³ См.: Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. 2015. № 3(20). С. 171–184.

как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, «иные» документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. И, следовательно, применительно к ним более уместной является категория «собрание доказательств».

Таким образом, первый элемент доказывания может осуществляться посредством как собирания, так и формирования доказательств. Собрание выражается в процессуальной легализации доказательств, в их введении в уголовное дело; оно применимо к тем доказательствам, которые появляются в готовом виде или создаются за рамками уголовного судопроизводства, т.е. к вещественным доказательствам, «иным» документам, заключениям специалиста. *Собрание доказательств выражает исключительно достоверительный аспект доказывания.*

В свою очередь, формирование доказательств заключается в предусмотренных УПК РФ процессуальных механизмах преобразования полезной информации в форму доказательств; оно применимо к различным видам показаний, результатам «невербальных» следственных и судебных действий и экспертным заключениям. *Формирование доказательств выражает как познавательный, так и достоверительный аспекты доказывания.*

Второй этап доказывания – это *исследование доказательств*. Оно заключается в познании познавателем, следователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания. Таким образом, *исследование доказательств выражает исключительно познавательный аспект доказывания.*

Исследование доказательств – это фрагмент познавательной деятельности, который, к великому сожалению, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехзвенной структуре доказывания. Конечно, во многих ситуациях, возникающих в следственной и судебной практике, исследование доказательств осуществляется как бы одновременно с их собиранием (формированием), в том числе в рамках какого-либо следственного или судебного действия. В ряде случаев

(особенно в ходе досудебного производства) эти этапы сильно переплетены между собой. Например, при осмотре места происшествия наряду с исследованием соответствующих объектов, их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения одновременно формируется и новое доказательство. Аналогичная ситуация складывается в ходе производства допроса, очной ставки, освидетельствования, следственного эксперимента, других следственных и судебных действий. Однако это вовсе не означает, что собирание (формирование) и исследование доказательств неразделимы и на теоретическом уровне. В гносеологическом контексте они существенно отличаются друг от друга и выступают самостоятельными элементами уголовно-процессуального познания. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что процессы проверки или оценки доказательств также нередко переплетены с механизмами их собирания (формирования) в единое целое, что не мешает законодателю признавать их отдельными этапами доказывания.

Анализируя вопросы исследования доказательств, Р.С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) – частный случай познавательной деятельности³⁴. Он писал, что это – познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами³⁵. В свою очередь, В.П. Василенко писал, что исследование доказательств – это своеобразный процесс извлечения информации, содержащейся в доказательствах, и ее осмысливание применительно к задачам уголовного судопроизводства. Он же указывал, что исследование является частью процесса доказывания по уголовному делу³⁶. Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают А.А. Давлетов³⁷, В.А. Азаров и И.Ю. Таричко³⁸, А.В. Кудрявце-

ва³⁹ и другие авторы. Хотя для справедливости необходимо обратить внимание, что некоторые ученые вкладывают в категорию «исследование доказательств» слишком узкий смысл, олицетворяя его с познанием, проводимым лишь посредством специальных криминалистических средств и методов⁴⁰.

Исследование доказательств – это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собирание (формирование), проверка или оценка. А процессуальное познание – гораздо более широкая категория, чем она видится законодателю. Помимо собирания (формирования) и проверки новых доказательств она охватывает и механизмы их полноценного исследования. В противном случае дознаватель, следователь и в особенности суд из полноценных субъектов доказывания превратились бы в неких «оформителей» представленных в их распоряжение материалов. Кстати, вполне возможно, что непризнание исследования доказательств самостоятельным структурным элементом доказывания является наследием советского уголовного процесса, который был ориентирован на приоритет досудебного производства и фактически делал из судей этих самых «оформителей». По крайней мере, ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР не учитывала возможностей судебного исследования доказательств.

В этой связи весьма уместно предложение Н.И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламентирующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование⁴¹. Кстати, подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 127 нового УПК Казахстана называется «Исследование доказательств». Она предполагает, что собранные по делу доказательства подлежат всестороннему и объективному исследованию, включающему анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собирание дополнительных до-

³⁴ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Норма, 1997. С. 135.

³⁵ См.: Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 48; Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 195; Белкин Р.С. Курс криминалистики. С. 136.

³⁶ См.: Василенко В.П. Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 8–9.

³⁷ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 178.

³⁸ См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного

процесса России. Омск: Омский госуниверситет, 2004. С. 192, 194.

³⁹ См.: Кудрявцева А.В. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 67.

⁴⁰ См., например: Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1989. С. 83.

⁴¹ См.: Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Юрист, 2007. С. 367.

казательств, проверку источников получения доказательств.

Российский законодатель вспоминает про исследование доказательств лишь применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства. По смыслу ст.ст. 274, 291 и 389¹³ УПК РФ именно оно (исследование), а не собирание или формирование доказательств является основным содержанием судебного следствия как в первой, так и в апелляционной инстанциях. И подобная позиция разработчиков УПК РФ хотя и неверна, но вполне объяснима. Дело в том, что в отличие от досудебного производства судебное познание осуществляется в условиях состязательности, гласности и устности. Поэтому исследуемые материалы уголовного дела не могут быть просто прочитаны судьей («про себя»), а подлежат обязательному оглашению в зале судебного заседания. А это, в свою очередь, требует обязательной процессуальной регламентации и введения в предмет уголовно-процессуального регулирования соответствующих процедур, предусмотренных ст.ст. 276, 281 и 285 УПК РФ.

Тогда как в ходе досудебного производства исследование доказательств, напротив, зачастую происходит камерально (кабинетно), без участия сторон и других присутствующих лиц, следовательно, не требует каких-либо правовых гарантий и не нуждается в установленной УПК РФ законодательной формализации. Поэтому далеко не все используемые в досудебном производстве познавательные приемы имеют процессуальную регламентацию. Существует множество иных гносеологических способов установления следователем или дознавателем обстоятельств уголовного дела, объективная необходимость и очевидность которых обусловлена как правоприменительной практикой, так и самым здравым смыслом. В частности, субъекты предварительного расследования обязательно должны исследовать путем личного ознакомления (прочтения) форму и содержание поступивших в их распоряжение заключений экспертов и специалистов, «иных» документов (справок, характеристик, выписок, актов ревизий, копий приговоров и т.д.), материалов оперативно-розыскной деятельности и других источников. Они же должны исследовать протоколы следственных действий, проведенных без их непосредственного участия (оперативными работниками или другими следователями и дознавателями). В противном случае они просто лишаются возможности оперирования данными до-

казательствами для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кстати, в дальнейшем со всеми материалами уголовного дела должен ознакомиться и государственный обвинитель.

Но такие исследования не требуется связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием, сродни тому, как это происходит в судебном заседании. Законодательная формализация таких механизмов попросту лишена как высокого правового, так и практического смысла. Вряд ли будет целесообразным устанавливать какие-то специфические механизмы личного прочтения дознавателем или следователем материалов уголовного дела. Подобные процедуры вполне могут осуществляться и в свободном порядке, при этом вовсе не лишаясь познавательной направленности и не будучи исключенными из структуры уголовно-процессуального доказывания.

Ну, и, наконец, не стоит забывать о возможностях исследования доказательств заинтересованными участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т.д. Такие формы процессуального познания осуществляются посредством ознакомления с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного расследования – со всеми материалами уголовного дела. Они позволяют указанным лицам занимать активную позицию на последующих этапах доказывания, в частности, посредством изложения своих доводов и аргументов перед субъектом правоприменения.

Третий этап доказывания – *проверка доказательств* – заключается в установлении дознавателем, следователем, судом различных вспомогательных сведений, позволяющих в дальнейшем правильно оценить и использовать полученные доказательства. По смыслу закона определенной проверке в той или иной степени подлежат любые имеющиеся в распоряжении субъектов уголовной юрисдикции доказательства, причем как с формальной, так и с фактической стороны. Исключения, пожалуй, могут составлять лишь так называемые преюдициальные факты, т.е. изначально не вызывающие сомнений обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным решением суда (ст. 90 УПК РФ).

Статья 87 УПК РФ предполагает *различные механизмы проверки доказательств, связанные и с познавательным, и с удостоверительным, и с логическим аспектами доказывания*. В частности, такой способ проверки, как сопоставление

доказательств между собой, безусловно, выражает логический аспект. Установление источников доказательственной информации связано с познавательным аспектом, а получение новых доказательств – как с познавательным, так и с удостоверительными аспектами.

Более того, представляется, что проверка доказательств – достаточно условный, в определенной степени искусственный фрагмент установления обстоятельств уголовного дела. По существу, каждый из предусмотренных законом способов проверки доказательств вполне отождествим с другими этапами доказывания. В этой связи Ю.К. Орлов, рассматривая проверку доказательств посредством получения новых доказательств, совершенно справедливо писал, что она (проверка) является таковой только в отношении проверяемых доказательств; для проверяющих она выступает как их собрание⁴². Аналогичные выводы можно сделать и в отношении сопоставления доказательств как усеченного варианта их использования, и в отношении установления источников информации как своеобразной формы их исследования⁴³.

Высказанные соображения невольно упираются в проблему о необходимости сохранения проверки доказательств как отдельного элемента доказывания по уголовному делу. Возможно, при такой постановке вопроса целесообразнее вообще ликвидировать проверку доказательств как самостоятельную доктринальную и нормативно-правовую категорию, а предусмотренные ст. 87 УПК РФ способы проверки – рассредоточить по другим элементам доказывания?

Нет. Подобный вариант решения проблемы представляется иррациональным ввиду целого ряда причин. Во-первых, это разрушит хорошо устоявшиеся теоретические представления и законодательные конструкции, что неизбежно приведет к определенному хаосу и трудностям в следственной и судебной практике, которая в

настоящее время в целом идет по правильному пути. Так зачем же ломать хорошо налаженный механизм, если это не принесет никаких ощутимых практических выгод, а, наоборот, приведет к неблагоприятным последствиям? Во-вторых, проверка доказательств существенно отличается от их собирания (формирования), исследования и оценки по своему предмету, который охватывает не обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, а вспомогательные сведения, позволяющие впоследствии оценить относимость, допустимость и достоверность этих доказательств. И, наконец, в-третьих, проверка достаточно часто осуществляется посредством специальных процессуальных действий, обычно не свойственных другим этапам доказывания: например очной ставки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, допроса эксперта и т.д.

Четвертый этап – *оценка доказательств* – это аналитическая (мыслительно-логическая) деятельность субъектов уголовной юрисдикции, направленная на решение вопроса о возможности использования доказательств в уголовном деле и об их достаточности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. *Оценка доказательств выражает исключительно логический аспект доказывания* и в соответствии с действующим законодательством представляет собой своеобразный «венец» всего комплекса операций по установлению обстоятельств уголовного дела. Хотя, по нашему мнению, существует еще один этап доказывания – использование доказательств, который будет рассмотрен далее. Замысел настоящей статьи не предполагает исследования теоретических, нормативно-правовых и практических проблем оценки доказательств, которые никоим образом не влияют на общую методологическую структуру доказывания, а скорее связаны с современными представлениями о типологии уголовного процесса, о цели доказывания и средствах ее достижения.

И, наконец, пятый этап – *использование доказательств* – заключается в обосновании надлежащим образом собранными (сформированными), исследованными, проверенными и оцененными доказательствами промежуточных и окончательных правоприменительных решений. Во время своего использования доказательства из сведений (т.е. из информационных ресурсов), коими они являются согласно информационной теории, превращаются в логические аргументы, в основания для убеждения о правильности /

⁴² Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 113.

⁴³ В этой связи весьма примечательно, что некоторые авторы вообще отождествляют проверку и исследование доказательств. См., например: Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. С. 88. С подобной позицией согласиться достаточно сложно по изложенным в настоящей статье причинам, однако ее корни вполне объяснимы именно тем, что отдельные механизмы проверки доказательств фактически осуществляются посредством их исследования, на что совершенно справедливо обращал внимание М.С. Строгович. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 303.

неправильности выносимого решения. Именно такой подход к доказательствам выражали многие представители дореволюционной процессуальной школы (Я.И. Баршев⁴⁴, В.Д. Спасович⁴⁵, И.Я. Фойницкий⁴⁶ и т.д.), базировавшие свои позиции на господствовавших в то время постулатах формальной логики.

Исследование доказательств – это еще один фрагмент доказывания, который не находит отражения в предусмотренной современным законодательством трехзвенной структуре: собирание–проверка–оценка. Более того, само его существование обусловлено не столько процессуальной доктриной, сколько криминалистической наукой⁴⁷. В уголовно-процессуальной литературе этот вопрос исследован достаточно фрагментарно; как уже было отмечено выше, ученые-процессуалисты (Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькин, Н.П. Кузнецов) преимущественно именуют указанный этап обоснованием выводов. Л.М. Карнеева и В.А. Лазарева в своих работах вообще называют такую деятельность соответственно логическим доказательством и логической стороной доказывания, отделяя ее от процессуального доказывания⁴⁸.

При этом многие представители процессуальной науки вообще считают использование доказательств фрагментом их оценки, т.е. как бы являются противниками дополнения структуры доказывания подобным элементом. Например, С.А. Шейфер, подвергая сомнению вышеизложенную позицию Л.М. Карнеевой, прямо указывает, что обоснование выводов – это составная часть оценки доказательств. И, таким образом, выделение из классической трехзвенной формулы, равно как и противопоставление ей логической деятельности (оперирования аргументами), ученый

считает безосновательным⁴⁹. Подобные взгляды можно встретить и в трудах целого ряда других авторов⁵⁰.

Относясь с большим уважением к работам советских процессуалистов, мы, тем не менее, не можем согласиться с данной позицией и считаем ее следствием несколько поверхностного их отношения к логическим основам доказывания. Ведь ни для кого не секрет, что эти проблемы, за редким исключением, традиционно рассматривались не в процессуальной, а в криминалистической литературе, в частности, в работах А.А. Старченко, А.А. Эйсмана, А.А. Хмырова, А.В. Руденко и т.д.

Оценку доказательств никоим образом нельзя смешивать с их использованием, хотя в реальной практической деятельности эти процессы действительно связаны самым тесным образом и зачастую осуществляются совместно или параллельно друг другу. Вообще под оценкой понимается некое мнение, суждение о ценности, уровне, значении или качествах какого-либо объекта⁵¹, тогда как использование предполагает употребление данного объекта, извлечение из него полезных свойств с целью решения определенных задач⁵².

Оценка доказательств позволяет лишь сделать вывод о доброкачественности отдельно взятого доказательства, его потенциальной пригодности для нужд уголовного судопроизводства или же о сформированности совокупности доказательств (достижении пределов доказывания) и ее потенциальной пригодности для принятия того или иного процессуального решения (Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов пишут об этом как о предварительной и окончательной оценке доказательств⁵³). Тогда как использование доказательств заключается в самом непосредственном построении логических связей между доказательствами (доказательственных цепочек), в построении на основании промежуточных фактов (в частности, косвенных доказательств) умозаключений о наличии или отсутствии главного факта и других обстоятельств,

⁴⁴ См.: Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. С. 52.

⁴⁵ См.: Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. С. 5, 7.

⁴⁶ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 194.

⁴⁷ См., например: Криминалистика (актуальные проблемы): учебное пособие / под ред. Е.И. Зуева. М.: Академия МВД СССР, 1988. С. 11–12; Белкин Р.С. Курс криминалистики. С. 144–146; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск: Амалфея, 2000. С. 8, и другие работы по общей теории криминалистики.

⁴⁸ См.: Карнеева Л.М. Понятие доказательств и их источники // Советский уголовный процесс / под ред. С.В. Бородин. М.: Академия МВД СССР, 1982. С. 120–121; Лазарева В.А. Указ. соч. С. 68.

⁴⁹ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 19.

⁵⁰ См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 428; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 304–305; Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. С. 3–6 и т.д.

⁵¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Электронная версия // URL: <http://slovarozhegova.ru>

⁵² См.: Там же.

⁵³ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 226.

входящих в предмет доказывания, в аргументировании будущих правоприменительных решений, адресованном как самому себе (например, при мотивировке приговора, постановления, определения), так и другому субъекту (например, при заявлении ходатайства, при обжаловании, в ходе судебных прений и т.д.). Говоря о различиях оценки и использования доказательств, Р.С. Белкин писал, что оценка позволяет выяснить: а) допустимо ли использование данного информационного сигнала в качестве доказательства, не противоречит ли это закону, принципам доказывания; б) относится ли оцениваемая информация к делу и каков характер ее связи с уже оцененной информацией; в) каково значение оцениваемой информации; г) как может быть использована оцениваемая информация в дальнейшем. Тогда как использование доказательств, под которым следует понимать оперирование ими в целях доказывания, предполагает: а) демонстрацию (предъявление) информации в качестве основания для признания того или иного обстоятельства установленным, доказанным; б) сопоставление с другой вновь добытой информацией; в) демонстрацию (предъявление) информации в целях получения новой информации; г) передачу информации адресату доказывания, например суду⁵⁴.

Различия оценки доказательств и их использования становятся очевидны при проведении некой аналогии с оценкой и использованием знаний, приобретенных человеком, например, в средней школе или в вузе. Так, оценка знаний проводится посредством экзамена, позволяющего лишь определить потенциальную готовность школьника или студента к вступлению соответственно во взрослую жизнь или будущую профессию. Тогда как практическое использование приобретенных в школе или вузе знаний осуществляется не во время экзамена, а в процессе повседневной жизнедеятельности человека.

Оценку доказательств нельзя смешивать с их использованием и еще по целому ряду причин. В частности, использование доказательств предполагает лишь сугубо аргументационные операции, обосновывающие истинность определенных суждений, и прагматичный здравый смысл. А в содержание оценки наряду с постулатами формальной логики включаются также правовые и общественно-нравственные ценности, такие как правосознание, правопонимание, правовая куль-

тура, совесть, ответственность, жизненный опыт и т.д. Кроме того, согласно находящимся в системном единстве положений ст.ст. 17 и 88 УПК РФ правом оценки доказательств наделены исключительно участники уголовного процесса, обладающие юрисдикционными полномочиями: суд, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель. Использование доказательств представляет собой деятельность, осуществляемую как субъектами уголовной юрисдикции при обосновании и мотивировании соответствующих правоприменительных решений, так и другими участниками со стороны обвинения и стороны защиты: государственным или частным обвинителем, защитником, подозреваемым, обвиняемым (подсудимым), потерпевшим и т.д. Последние участвуют в механизмах использования доказательств посредством формулирования и изложения адресованных субъектам уголовной юрисдикции доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции и тем самым повлиять на выносимое правоприменительное решение.

Таким образом, подводя итог изложенным в настоящей статье рассуждениям, мы приходим к выводу о том, что процесс доказывания по уголовному делу является более сложным структурным образованием, чем это представляется законодателю в ст. 85 УПК РФ. Доказывание состоит, по крайней мере, из пяти элементов: а) собирания (формирования) доказательств; б) исследования доказательств; в) проверки доказательств; г) оценки доказательств; д) использования доказательств. Подобная структура логично согласовывается с современными методологическими подходами к сущности доказывания, представляющего сложный комплексный процесс, предполагающий сочетание познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, методологически основанных на доктринальных положениях правовой теории, научных подходах к гносеологии и формальной логике (см. прилагаемую схему).

Более того, подобная структура позволяет гармонизировать положения теории уголовно-процессуального доказывания и криминалистики, направленной, в том числе, на изучение закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств⁵⁵. А ведь подобная гармонизация, обуславливающая развитие уголовного процесса и криминалистики в едином ключе с учетом взаимодополнения, – это единственный

⁵⁴ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. С. 145–146.

⁵⁵ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. С. 112.

путь для выхода этих областей научного знания из кризиса, для дальнейшего совершенствования соответствующих положений законодательства, следственной и судебной практики.

В завершение еще раз следует обратить внимание, что выявленные и проанализированные в настоящей статье отдельные этапы процесса доказывания по уголовному делу: собирание (формирование), исследование, проверка, оценка, использование доказательств в реальных практических ситуациях зачастую осуществляются одновременно, совместно или параллельно. Они бывают настолько переплетены между собой, что их прикладное размежевание на отдельные фрагменты процессуального доказывания весьма затруднительно или просто невозможно. Во многом это связано с изощренностью человеческого разума, способного совершать сложнейшие познавательные и логические операции на уровне автоматизма, т.е. не всегда осознавая их структуру и содержание. Однако на доктринальном уровне рассмотренные в настоящей статье этапы процесса доказывания должны характеризоваться разумной долей автономности, обусловленной различными познавательными, удостоверительными и аргументационными приемами, заложенными в их содержание. Подобный подход, безусловно, поспособствует совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и, как следствие, оптимизации правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омский госуниверситет, 2004.
2. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014.
3. Балашихин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004.
4. Боршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001.
5. Белякин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Норма, 1997.
6. Белякин Р.С. Собираание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.
7. Белякин Р.С., Визлиберг А.И. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969.
8. Бобринский Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014.
9. Василько В.П. Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1978.
10. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006.
11. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Юрист, 2007.
12. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.
13. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997.
14. Дая Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009.
15. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев: Киевский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, 1990.
16. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1964. № 9.
17. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015.

18. Зайцев О.А. Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1 (122).
19. Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград: ВА МВД России, 2013.
20. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата: Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова, 1973.
21. Зофин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск: Амалфея, 2000.
22. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960.
23. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995.
24. Криминалистика (актуальные проблемы): учебное пособие / под ред. Е.И. Зуева. М.: Академия МВД СССР, 1988.
25. Кудрявцева А.В. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
26. Курьянов С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1969.
27. Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009.
28. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012.
29. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010.
30. Михеев М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984.
31. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Электронная версия // URL: <http://slovarozhegova.ru>.
32. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009.
33. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961.
34. Ретник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.
35. Россинский С.Б. Вопросы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с вещественными доказательствами // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11.
36. Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. 2015. № 3(20).
37. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015.
38. Россинский С.Б. О практике разграничения «иных» документов с результатами (протоколами) «невербальных» следственных и судебных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12.
39. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
40. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9.
41. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989.
42. Семенов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010.
43. Советский уголовный процесс / под ред. С.В. Бородина. М.: Академия МВД СССР, 1982.
44. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001.
45. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
46. Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007.
47. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
48. Улямова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008.
49. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976.
50. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996.
51. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
52. Шейфер С.А. Собирающие доказательства по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015.
53. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972.
54. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Томский госуниверситет, 2015.